

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 155 (3966)

Вторник, 30 декабря 1958 г.

Цена 40 коп.

1 ЯНВАРЯ — 40 ЛЕТ СОВЕТСКОЙ БЕЛАРУССИ

Светлый праздник орденоносной республики

У БЕЛУССКОГО народа новогодний праздник всегда особо торжествен, потому что он совпадает с днем рождения Белорусского Советского государства...

«Работать и жить по-коммунистически» — в нашей республике это значит...

Успешно развиваются наука и культура республики. Уничтожены социальные неравенства...

В результате победы Октябрьской революции народ сумел создать свой профессиональный театр, свою национальную оперу...

Предновогодние вести

ВСТУПАЯ В СЕМИЛЕТКУ С воодушевлением трудятся сейчас рабочие Ленинграда...

Завод имени Котлякова отправил машины в Китайскую Народную Республику...

Завод «Ленстанколит» отгрузил китайским машиностроителям первые фрезерные станки...

На Выборгской стороне, в клубе завода «Красный выборжец»...

В эти дни передовые бригады турбинистов успешно ведут монтажные работы...

ОГНИ ЗАЖЛИСЬ Сизый морозный дым стелется над Обью...

Последние дни уходящего года знаменуются вдохновенным творческим трудом для счастья Родины...

А. ПОЛОВНИКОВ Ленинград. (Наш корр.)

ПОЭЗИЯ ТРУДА Вчера я встретил на улице писателя Анатолия Хорунжего...

Началось с того, что литературная студия при издательстве «Молодь»...

Товарищ мой, оглянься: Везде, где ступила наша нога...

Ю. ДАШЕВСКИЙ ВАКУ. (Наш корр.)

В ГОРОДЕ СРЕДИ МОРЯ

Беспокоен зимний Каспий. Теплая, безветренная погода внезапно сменяется штормом...

А после разрушительной войны за кратчайший исторический период наша республика совершила новый гигантский скачок в прогрессу...

Вся Беларусь — в лесах новостроек. Более ста тысяч строителей воздвигают новые заводы и электростанции...

Вся Беларусь — в лесах новостроек. Более ста тысяч строителей воздвигают новые заводы и электростанции...

Вся Беларусь — в лесах новостроек. Более ста тысяч строителей воздвигают новые заводы и электростанции...

Вся Беларусь — в лесах новостроек. Более ста тысяч строителей воздвигают новые заводы и электростанции...

Вся Беларусь — в лесах новостроек. Более ста тысяч строителей воздвигают новые заводы и электростанции...

Вся Беларусь — в лесах новостроек. Более ста тысяч строителей воздвигают новые заводы и электростанции...

Вся Беларусь — в лесах новостроек. Более ста тысяч строителей воздвигают новые заводы и электростанции...

Вся Беларусь — в лесах новостроек. Более ста тысяч строителей воздвигают новые заводы и электростанции...

Вся Беларусь — в лесах новостроек. Более ста тысяч строителей воздвигают новые заводы и электростанции...

Вся Беларусь — в лесах новостроек. Более ста тысяч строителей воздвигают новые заводы и электростанции...

В ГОРОДЕ СРЕДИ МОРЯ

Беспокоен зимний Каспий. Теплая, безветренная погода внезапно сменяется штормом...

А после разрушительной войны за кратчайший исторический период наша республика совершила новый гигантский скачок в прогрессу...

Вся Беларусь — в лесах новостроек. Более ста тысяч строителей воздвигают новые заводы и электростанции...

Вся Беларусь — в лесах новостроек. Более ста тысяч строителей воздвигают новые заводы и электростанции...

Вся Беларусь — в лесах новостроек. Более ста тысяч строителей воздвигают новые заводы и электростанции...

Вся Беларусь — в лесах новостроек. Более ста тысяч строителей воздвигают новые заводы и электростанции...

Вся Беларусь — в лесах новостроек. Более ста тысяч строителей воздвигают новые заводы и электростанции...

Вся Беларусь — в лесах новостроек. Более ста тысяч строителей воздвигают новые заводы и электростанции...

Вся Беларусь — в лесах новостроек. Более ста тысяч строителей воздвигают новые заводы и электростанции...

Вся Беларусь — в лесах новостроек. Более ста тысяч строителей воздвигают новые заводы и электростанции...

Вся Беларусь — в лесах новостроек. Более ста тысяч строителей воздвигают новые заводы и электростанции...

Вся Беларусь — в лесах новостроек. Более ста тысяч строителей воздвигают новые заводы и электростанции...

В ГОРОДЕ СРЕДИ МОРЯ

Беспокоен зимний Каспий. Теплая, безветренная погода внезапно сменяется штормом...

А после разрушительной войны за кратчайший исторический период наша республика совершила новый гигантский скачок в прогрессу...

Вся Беларусь — в лесах новостроек. Более ста тысяч строителей воздвигают новые заводы и электростанции...

Вся Беларусь — в лесах новостроек. Более ста тысяч строителей воздвигают новые заводы и электростанции...

Вся Беларусь — в лесах новостроек. Более ста тысяч строителей воздвигают новые заводы и электростанции...

Вся Беларусь — в лесах новостроек. Более ста тысяч строителей воздвигают новые заводы и электростанции...

Вся Беларусь — в лесах новостроек. Более ста тысяч строителей воздвигают новые заводы и электростанции...

Вся Беларусь — в лесах новостроек. Более ста тысяч строителей воздвигают новые заводы и электростанции...

Вся Беларусь — в лесах новостроек. Более ста тысяч строителей воздвигают новые заводы и электростанции...

Вся Беларусь — в лесах новостроек. Более ста тысяч строителей воздвигают новые заводы и электростанции...

Вся Беларусь — в лесах новостроек. Более ста тысяч строителей воздвигают новые заводы и электростанции...

Вся Беларусь — в лесах новостроек. Более ста тысяч строителей воздвигают новые заводы и электростанции...

В ГОРОДЕ СРЕДИ МОРЯ

Беспокоен зимний Каспий. Теплая, безветренная погода внезапно сменяется штормом...

А после разрушительной войны за кратчайший исторический период наша республика совершила новый гигантский скачок в прогрессу...

Вся Беларусь — в лесах новостроек. Более ста тысяч строителей воздвигают новые заводы и электростанции...

Вся Беларусь — в лесах новостроек. Более ста тысяч строителей воздвигают новые заводы и электростанции...

Вся Беларусь — в лесах новостроек. Более ста тысяч строителей воздвигают новые заводы и электростанции...

Вся Беларусь — в лесах новостроек. Более ста тысяч строителей воздвигают новые заводы и электростанции...

Вся Беларусь — в лесах новостроек. Более ста тысяч строителей воздвигают новые заводы и электростанции...

Вся Беларусь — в лесах новостроек. Более ста тысяч строителей воздвигают новые заводы и электростанции...

Вся Беларусь — в лесах новостроек. Более ста тысяч строителей воздвигают новые заводы и электростанции...

Вся Беларусь — в лесах новостроек. Более ста тысяч строителей воздвигают новые заводы и электростанции...

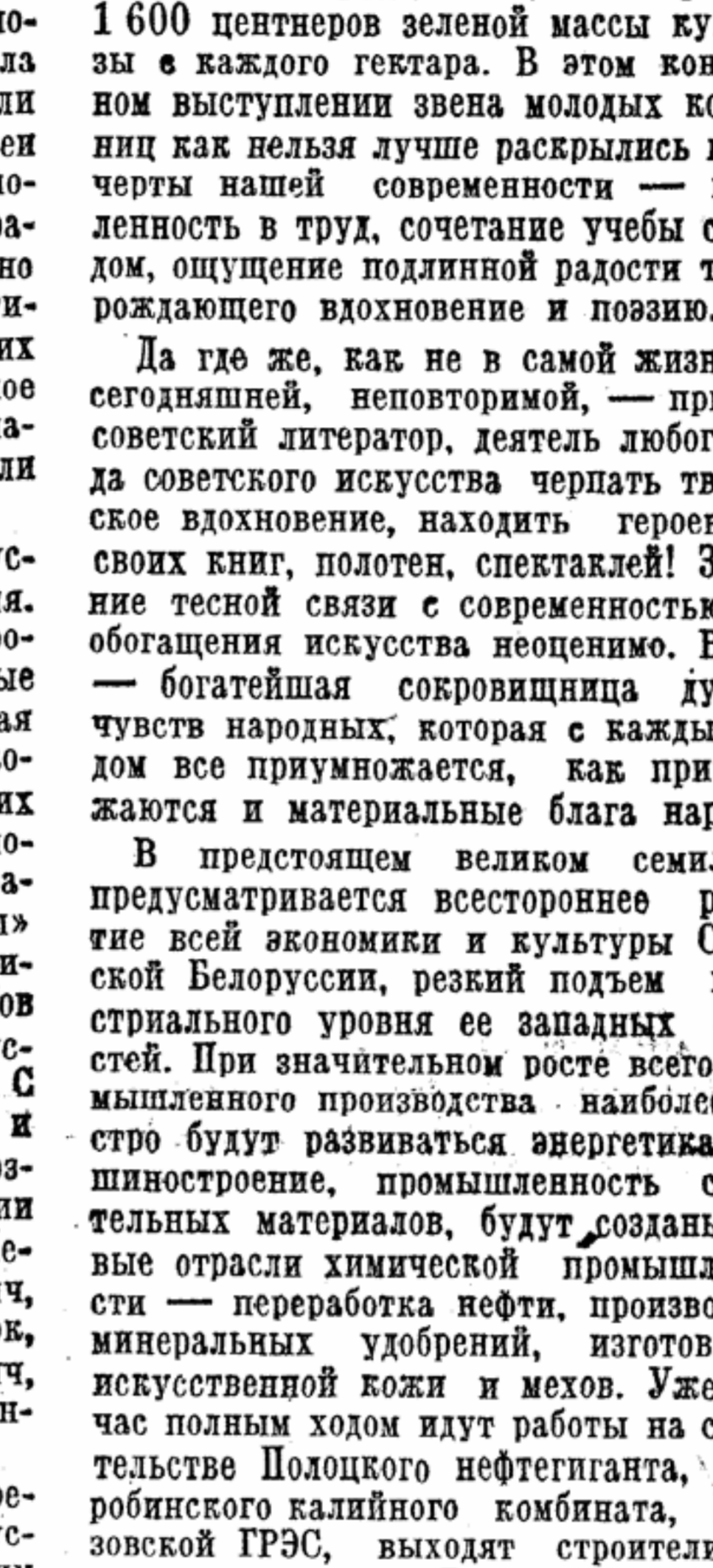
Вся Беларусь — в лесах новостроек. Более ста тысяч строителей воздвигают новые заводы и электростанции...

Вся Беларусь — в лесах новостроек. Более ста тысяч строителей воздвигают новые заводы и электростанции...

На представлении «Елка дружбы» во Дворце спорта Центрального стадиона имени В. И. Ленина.

Фото А. Ляпина

Минск. Два дома на привокзальной площади. Высотные ворота прекрасного города!

Фото М. АНАНИНА

65-летие Анны Караваевой

Исполнилось 65 лет со дня рождения Анны Александровны Караваевой, писательницы, чье творчество неразрывно связано с развитием всей советской литературы.

Секретариат Союза писателей СССР направил А. Караваевой телеграмму, в которой говорится: «Дорогая Анна Александровна! Сердечно поздравляем Вас в день шестидесятилетия. Желаем Вам здоровья, бодрости, новых творческих удач.»

Равная средь равных,
В братском единенье,
Беларусь — в расцвете,
Словно сад весною.

Янка КУПАЛА

Владимир КАРПОВ

РАБОЧИЕ ЛЮДИ

У МИНЧАН — СТАРОЖИЛОВ еще жива память о конье. Она начинала свой путь от вокзала, плелась по узким улочкам губернского Минска к рынку на Троицкой горе. Но пути на каждом подъеме приподняла лошадь. Так, не спеша, в ритме тогдашней жизни, передвигался в кургузых вагончиках главный образ чиновный люд.

русии. Сюда, по путевкам центрального штаба партизанского движения, шли партизаны. Их были тысячи. Они-то и становились первыми прорабами, мастерами, каменщиками, землекопами. Сразу нашлись инженеры, техники, шоферы, слесари, кузнецы...

тому, что он близок мне по своим собственным писательским замыслам и очень характерен, как воплощение мощи сегодняшней индустриальной Беларуси.

Когда Минск стал столицей Советской Беларуси, начал новую жизнь, появилась необходимость и в новых средствах передвижения. В конце 20-х годов конку решено было заменить трамваями. Это казалось чем-то невероятным, волновало, обещало очень многое.

Жили рабочие-партизаны по-прежнему отрядами, как и воевали, — в залах под соснами и в уцелевших бараках. Был ладил так же, как и раньше. Имели общие запасы продуктов, ежедневно назначали дежурных по артельным кухням, по очереди возили воду из Свислочи в бочках. Вечерами раскладывали костры, и тогда совсем по-партизански выглядел бор. Только больше было шуму, песен.

Обсуждение тезисов доклада тов. Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС о великих предначертаниях партии на ближайшее будущее вызвало небывалый подъем трудовой и творческой активности. На стройках и заводах Белоруссии мощно и молодо развернулось соревнование за высокую честь носить звание бригад коммунистического труда. За какой-нибудь месяц с небольшим стремление жить и работать по-коммунистически стало стремлением тысяч.

Край лесов,
Минувших дней восстанья,
Край долин,
Просторов дальних ширь...
Край полей...
О край,
Когда ж ты станешь
Краем фабрик дымящих и машин?

Иногда среди ночи раздавался паровозный гудок. Поднимались все. Одевались на ходу, как по тревоге, и бежали разгружать вагоны и платформы, бережно на руках сносили тяжелые ящики со станками, с оборудованием, которое шло из Москвы, Горького, Челябинска...

На узловой сборке в цехе тяжелых машин работает комсомольско-молодежная бригада Николая Поляка. Кроме бригадира, в нее входят еще Антон Семичев и Альберт Бобылев. Не буду называть их трудовые показатели — они давно уже стали устойчиво высокими. Поражает другое: у молодых людей хватает времени на все. Николай — комсорг участка. Все трое участвуют в художественной самодеятельности, активно помогают милиции в борьбе с нарушителями общественного порядка.

Пятилетки сделали свое дело. Белоруссия уже тогда имела свои станки, свою металлообрабатывающую, деревообделочную, текстильную промышленность, свои сельскохозяйственные машины, свое стекло, искусственный шелк, развивала пищевую промышленность.

И вот он, Минский автомобильный завод, — гордость и слава республики! Его трудолюбивые самосвалы работают теперь почти на всех восточных станциях, их хорошо знают и за рубежом. Светлая реклама — самосвал с серебристым крутящим зубром на капоте слышится по ночам на улице Баира. Минский 40-тонный самосвал получал «Бран-при» на Всемирной выставке в Брюсселе.

Люди всегда стремились к счастью и мечтали о нем. Эта вечная мечта была в их песнях, сказках, что создавали они. Сказка была тем выдуманным, что мать в любви своей могла пожелать ребенку. Лишь пожелать. Ибо лишь столетия, поколения сменяли поколения, а счастье простого человека томилось где-то за семью замками. Много дорог, как думали люди, вело к нему, но только одна оправдала надежду — дорога, указанная нашей партией. И вот советским людям открылось завоеванное ими самим счастьем. Нет, оно не оказалось легким! Его надо было записывать с оружием в руках, добавлять героическим трудом. Но оно добыто и растет с каждым днем.

Пятилетки сделали свое дело. Белоруссия уже тогда имела свои станки, свою металлообрабатывающую, деревообделочную, текстильную промышленность, свои сельскохозяйственные машины, свое стекло, искусственный шелк, развивала пищевую промышленность.

Слов нет, можно найти на автозаводе просветы в организации производства, заметить досадные трещины, куда утекать бесценное рабочее время, встретиться с браком и с обычной нерадостью. Но то, что сделал и делает молодой рабочий коллектив, который учится работать и работает у нас, поистине изумительно.

Преображенной в счастье и радости встречает моя республика свое сорокалетие. Невольно вспоминаются одно из популярных стихотворений Кастуся Кирсенко, в котором поэт как бы отвечает на вопрос, поставленный когда-то его собратом Павлуком Трусом:

А Минск? Я вошел в гости с группой партизан-автоматчиков в первый день его освобождения. Минск был почти мертв — со всех сторон нависали на человека руины. Их было море — желтых, безнадёжных. Порой удивляло, как стоят эти обломки стен, на что опираются?

Сейчас даже трудно перечислить, чего у нас не было и что есть теперь. Но не только материальными благами измеряются достижения. Для успешного продвижения по пути разнузданного строительства коммунизма нужны не только тракторы, самосвалы, уникальные станки. Нужны смелые, думающие, дерзавшие, высокообразованные строители его, ядровые и командиры.

Не называйте мою республику Страною темных лесов! Посмотрите — Над нею светятся Огни заводских корпусов.

Перед законченной, страшной коробкой главного корпуса Политехнического института гитлеровцы устроили кладбище. Почему здесь? Видно, потому, что напротив действовал больничный городок и не надо было далеко возить жертвы человеконенавистничества затей фюрера. Старательно выверенные — и вдоль, и поперек, и по диагонали — на целый квартал тагнулись кресты из неокоренных, в толщину руки березок. Между ними, там и сям, возвышались более солидные, покрашенные в коричневый цвет кресты над могилами офицеров. Кресты стояли густо, а по слухам, гитлеровцы, чтобы сбить с толку тех, кто захотел бы подсчитать их потери, под одним крестом хоронили несколько человек, и, возможно, поэтому казалось, что крестов еще больше, чем есть. Вообще весь город был похож на кладбище.

Мудрые решения партии создали прекрасные, может, еще не полностью используемые условия для проуманной до мелочей организации промышленного производства.

Не называйте мою республику Страною тихих долин! А прислушайтесь — И дождятся Голоса могучих турбин.

Были повергнуты в пепел и развалены Витебск, Могилев, Полоцк, сотни сел. Приходилось начинать все сначала: в деревнях — с землянок, в городах — с расчистки проезжей части улицы. Вот здесь-то на смену ратным подвигам приходили подвиги трудовые.

В белорусском автомобильном строительстве, например, свидетельстве качественного роста людей-производственников на каждом шагу. Коллектив Минского автомобильного завода создал первые опытные образцы новых грузовых автомобилей «МАЗ-500» и «МАЗ-503». Это будут хорошие машины. Не совсем обычной формы — кабина у них над двигателем, они выгодно отличаются от прежних машин повышенной скоростью и меньшим весом. Для облегчения эксплуатации новые автомобили имеют более легкое рулевое управление, более усовершенствованные тормоза, бесдисковые колеса, легко опрокидываемую в случае ремонта кабину со спальным местом для шофера-сменщика и другие улучшения. «МАЗ-500» и «МАЗ-503» — результат зрелости инженерной и конструкторской мысли автозаводцев, результат творческого дерзания новаторов производства.

Мир и счастье людей — в труде. Это высшая цель эпохи коммунизма. Ради нее, этой высокой цели, ради мира и счастья трудится и молодой рабочий класс Белоруссии сегодня, ради этого будет трудиться он и в грядущие годы. Честь и слава ему!

В Красном Урочище под Минском, где решено было построить автобортонный, а потом и автомобильный завод, началась послевоенная трудовая слава Белоруссии!

Вспомните, как в первые дни освобождения Минска, когда еще не было ни одного дома, ни одного магазина, ни одной школы, ни одной больницы, ни одной фабрики, ни одного завода, ни одного учреждения, ни одной организации, ни одной партии, ни одного правительства, ни одного государства, ни одного мира, ни одного счастья, ни одного будущего.

Много лет прошло уже с того времени, когда в Новогрудчине, на искони белорусской земле, провел свое детство и «годы сельской идиллии» автор «Пана Деуша» — Но память о поэте осталась негленной, волнующей и по сей день.

Вспомните, как в первые дни освобождения Минска, когда еще не было ни одного дома, ни одного магазина, ни одной школы, ни одной больницы, ни одной фабрики, ни одного завода, ни одного учреждения, ни одной организации, ни одной партии, ни одного правительства, ни одного государства, ни одного мира, ни одного счастья, ни одного будущего.

Много лет прошло уже с того времени, когда в Новогрудчине, на искони белорусской земле, провел свое детство и «годы сельской идиллии» автор «Пана Деуша» — Но память о поэте осталась негленной, волнующей и по сей день.

Много лет прошло уже с того времени, когда в Новогрудчине, на искони белорусской земле, провел свое детство и «годы сельской идиллии» автор «Пана Деуша» — Но память о поэте осталась негленной, волнующей и по сей день.

Много лет прошло уже с того времени, когда в Новогрудчине, на искони белорусской земле, провел свое детство и «годы сельской идиллии» автор «Пана Деуша» — Но память о поэте осталась негленной, волнующей и по сей день.

Много лет прошло уже с того времени, когда в Новогрудчине, на искони белорусской земле, провел свое детство и «годы сельской идиллии» автор «Пана Деуша» — Но память о поэте осталась негленной, волнующей и по сей день.

Много лет прошло уже с того времени, когда в Новогрудчине, на искони белорусской земле, провел свое детство и «годы сельской идиллии» автор «Пана Деуша» — Но память о поэте осталась негленной, волнующей и по сей день.

Много лет прошло уже с того времени, когда в Новогрудчине, на искони белорусской земле, провел свое детство и «годы сельской идиллии» автор «Пана Деуша» — Но память о поэте осталась негленной, волнующей и по сей день.

Много лет прошло уже с того времени, когда в Новогрудчине, на искони белорусской земле, провел свое детство и «годы сельской идиллии» автор «Пана Деуша» — Но память о поэте осталась негленной, волнующей и по сей день.

Много лет прошло уже с того времени, когда в Новогрудчине, на искони белорусской земле, провел свое детство и «годы сельской идиллии» автор «Пана Деуша» — Но память о поэте осталась негленной, волнующей и по сей день.

Много лет прошло уже с того времени, когда в Новогрудчине, на искони белорусской земле, провел свое детство и «годы сельской идиллии» автор «Пана Деуша» — Но память о поэте осталась негленной, волнующей и по сей день.

Много лет прошло уже с того времени, когда в Новогрудчине, на искони белорусской земле, провел свое детство и «годы сельской идиллии» автор «Пана Деуша» — Но память о поэте осталась негленной, волнующей и по сей день.

Много лет прошло уже с того времени, когда в Новогрудчине, на искони белорусской земле, провел свое детство и «годы сельской идиллии» автор «Пана Деуша» — Но память о поэте осталась негленной, волнующей и по сей день.

Много лет прошло уже с того времени, когда в Новогрудчине, на искони белорусской земле, провел свое детство и «годы сельской идиллии» автор «Пана Деуша» — Но память о поэте осталась негленной, волнующей и по сей день.

Много лет прошло уже с того времени, когда в Новогрудчине, на искони белорусской земле, провел свое детство и «годы сельской идиллии» автор «Пана Деуша» — Но память о поэте осталась негленной, волнующей и по сей день.

Пожалуй, нужна большая фотовиставка, чтобы достойно отразить сорокалетний юбилей целой республики. А выбрать несколько снимков для юбилейного номера газеты — дело нелегкое. Надо, чтобы эти снимки показывали наиболее характерное за сегодняшней Белоруссией. Самое характерное! А оно воплощено в очень многих конкретных явлениях. Вот, например, эти поющие девушки. Кто они? Прославленное звание кукурузоводки из колхоза имени Карла Маркса Антопольского района Брестской области. Девушки выступают на заключительном концерте республиканского смотра самодеятельного искусства. Они — незаурядные артистки. О том, как работает это звание, рассказано в статье тов. Т. Горбунова. Разносторонние в своих талантах, в своих интересах люди характерны для сегодняшней Белоруссии.

Анатолий ВЕЛОГИН

ЗЕМЛЯЧКА

Одна, как будто в чистом поле,
Стоишь ты в Арктике, во льдах.
И подобрал суровый полюс,
Твоими смолами пропах.

Зеленая, под белым сводом,
Плыवेश на льдине в белый свет,
А под тобой чернеют воды
И Ломоносова хребет.

Под Новым год легко и споро
Доставил шустрый вертолет
Спокойный шум родного бора
На беспокойный, мрачный лед.

Перед tobю, как на карте,
Простерся мир, Вглянись вокруг.
Все окна домиков стандартных
Сейчас обращены на юг.

Там, в Антарктиде, снеговен
Шумят над полюсом другим.
Там, как и тут, сердица согрет
Ночной Москвы полуденный гимн.

И там, — зеленый дар Валдая, —
Неся смелый аромат,
Твоя сестрица молодая
Распрямит праздничный наряд.

Не удивлюсь я, если завтра
Покинешь ты лесную тишь
И на ракете аэронавта,
Землячка, к звездам полетишь.

На голый, как скала, планете,
Что шурумлют люди злые смолы,
Ты вместе с ними праздник
встретишь,
Посланица моей земли.

Перевел с белорусского Янов ХЕЛЕМСКИЙ

Алексей ЗАРИЦКИЙ

ВМЕСТЕ С ПЕСНЕЙ

Ты не юнец —
Мне говорят —
Оставь же рифмы зычные,
Переходи как лучше, брат,
На речи прозаичные! —
Я с юных лет в своем пути
Иду со звонкой песнею,
И мне на прозу перейти,
Пожалуй, как на пенсию.
Я связан всей судьбой своей
С моей подругой звонкою,
Мне тяжело расстаться с ней,
Как с милою старинкою,
Как с жизнью.

Ведь мечта, мой брат,
У каждого — особая:
Я, словно солнцу, лесе рад,
Мечтаю петь до гроба я.

Перевел с белорусского Юрий ХАЗАНОВ

Эди ОГНЕЦВЕТ

Я Б Л О Н Я

Зима в разгаре.
Ветер снова
Смятнул, укачивая всех.
На ветках — белый и лиловый,
И голубой, мохнатый снег.

Спят угоры, поют синицы...
Не слышит, сколько ни зови.
Ей августа сняные синицы,
Дыхание его любви.

Ей снится полдень тот высокий,
Что плодородием пропах.
Детей упругих, краснощеких
Она качает на руках.

Перевел с белорусского Янов ХЕЛЕМСКИЙ

НАКАНУНЕ войны парень с Дона стоял дозором на Буге. Потом, под натиском врага, он отступал, изведая бездонную горечь поражения и плена. Бежав из-за колодежной проволоки, очутился в самой обыкновенной белорусской деревушке. Небогатые, тихие люди, над которыми и он недавно и, конечно же, беззлбно потиривал: «Будьба хробенькая, да многа...» — накормили его и пригнали, как своего, родного. Вместе с ними взял он вскоре винтовку, стал партизаном. Вместе с ними творил дела, которые — со стороны виднее! — и Родина, и прогрессивный мир назвали героическими. Здесь на горячую кровь его ран легла прохладная чистота льняного полотна — «суженьяного», как говорила белорусская мать, неутомимая труженица, плакавшая над ним вместо его — бог весть, живой ли? — мамани в родной, тоже поруганной фашистами станице... Здесь он узнал любовь — настоящую, неизменную; белорусская девушка полюбила его, ушла за ним в партизанскую пушу... Потом — победа! И вот он не вернулся домой: парень словно только теперь заметил, как он пророс в этой славы лесной стороне, как сжурчался с этими простыми людьми, которые помогли ему достойно выстоять священный долг перед советской Родиной. И вот уже тридцать лет подряд едет он в гости на юг, к родному берегу, в родным душам и возвращается оттуда всегда с тем самым страннм, особым чувством, — из дому едет домой, с родины танет его на родину... Две их что ли стало? Нет, Родина одна! Она, но с дней войны стала она для парня и больше, и краше!

Я знаю немало таких ребят — с Дона, с Урала, из Киргизии... К победе над гитлеровским фашизмом пришли они, гордые званием белорусских партизан. Одни из них работают в нашей республике, свои среди своих. Другие вернулись в родные места. Но все они смогут вам рассказать о белорусском народе с братским чувством любви и восхищения.

О его сдержанности и гостеприимстве. О его героизме и скромности... Хлопец в пятнадцать лет бежал из теплой хаты в партизанский лес, там научился взрывать вражеские поезда и взорвал их «штуку что-то с двадцать». Работал на совесть, не часто думая, как его следует за это называть. И только тогда оскалился до ушей, не в силах сдерживать ни улыбки, ни слез, когда на груди его, на комотанной курточке, попластушки вытертой о родную землю, засверкала — даже в мечтах не загаданый — орден Ленина... А сколько их, хлопцев, не дошло до такой улыбки, сложив голову на безвестной опушке, сколько их безымянными, неопознанными героями покоятся под дощатыми пирамидами, под нехитрыми обелешаки братских могил! Есть и такие, что долго и тихо ждали заслуженного признания, только теперь получив ордена и звездочки, — кто за героическую оборону приграничной крепости, кто за многотрудные ночи и дни подполья.

Красавец-партизан и замечательный поэт, один из наших друзей в Украине, рассказывал о белорусской матери, образ которой волнует его со дней легендарных ковчакских рейдов. В полесской хате первую старуху, встретившуюся ему в этой глухой деревушке, партизан попросил погостить белье. И вдруг их группе пришлось снаться по тревоге... На третий день один из отрядов, отдыхавших в лесу после боя, задержал старуху. С узелком бывшего партизанского белишки, и выстиранного, и выкатанного, и заштопанного материнской рукой, два дня искала она в ближнем и дальнем лесу, под музыку дальних и ближних разрывов того «приржогого да вессолого», что командовал немлым отрядом, а называется вроде Платон... Нашла, отдала и ушла домой — с одним только чувством, с одной радостью: «Нехай здоровенький носит!»

Белорусская партизанская слава! Весь мир узнал, на что способен чистый сердцем труженник, когда он встанет на защиту завоеваний, всей революции, давшей ему ни с чем не сравнимое счастье «людьми зватся».

Сто лет назад Добролюбов писал: «Относительно белорусского, крестьянина дело давно решенное: забит окончательным образом». Но теперь, в день сорокалетия нашей белорусской советской государственности, можем мы вспомнить не только о ратной, но и о трудовой славе своей республики, любящейся прекрасными результатами ее мирного созидательного труда.

В знойные июльские дни 1944 года освобожденный Минск дышал открытыми ранами сплошных пожаров, скорбю смотрел пустыми глазами немощных наполювину уцелевших домов. И солдатам, оставшимся здесь передохнуть в своем стремительном победном марше на запад, и народным мстителям, собиравшимся сюда на свой — первый в истории войн — партизанский парад, и жителям нашей столицы — всем, даже и в безыюлой радости вновь обретенной свободы, казалось, что этим развалинам отдало будет и много-много лет, и еще больше невиданного доселе труда...

И точно, труд был невиданным — по размаху, по творческому вдохновению, по которому белорусы влезали за создание. И теперь мы можем похвастаться довольно длинным перечнем новых заводов и фабрик, продукцию которых знает не только вся наша Советская страна, но и далекая заграница. Теперь уж мы с полным правом и с самой высокой трибуны можем заявить, что отсталая, забитая, бедная в прошлом окраина царской империи — Беларусь — волею Коммунистической партии, силой раскрепощенного революцией народа стала индустриально мощным социалистическим государством.

Можно было бы, конечно, блеснуть щедрой россыпью цифр, красочным фактом доказать наш всесторонний рост, прекрасные перспективы грядущего нашей республики.

Но мне хочется закончить свое радостное, праздничное слово оыновней здравичей родному белорусскому народу — вдохновенному создателю непреходящих ценностей, имя которым — мир и счастье.

Мне хочется сказать сегодня сердечное спасибо всем народам нашей великой Родины, в дружбе с которыми — под руководством мудрой ленинской партии — только и мыслимы наша сила и слава!

Владимир ДУБОВКА

ОТКУДА ЖЕ В СЕРДЦЕ

ВЕСЕННИЙ ПОДЪЕМ?

И стужа стоит, и сугробы кругом — Все так, как и астарь, не иначе. Откуда же в сердце весенний подъем И жажда работы горячий?

Послушный фуганок поет под рукой. Он слит с верстаком и со мною. Ядет новая тага дверей и окон, Ее без задержки отстрою.

Мне под ноги теплые стружки летят, И шелест их сердце мне греет. Я слышу — торопят они, шелестят: «Скорее, скорее, скорее!»

Привычные руки фуганок ведут, Строгают он снова и снова. С ним за день я тысячи метров пройду... А сколько брусков уж готово!

Друг с другом, где надо, сомкнутся они, Я прочтешь креплений проверю. И она я всталою — расчитаны дни, — Навешу и выкрасу двери.

Потом, завершая строенье свое, Его осмотру я любовно И сам удивлюсь: превратились в жильё Обычные грубые бревна.

...Теперь, новоселы, входите в свой дом Для новой, для солнечной жизни. Мы все обновим вдохновенным трудом В бескрайной Советской Отчизне.

Пусть крохи мы в общую стройку несем, Вот это в сердцах и рождает подъем, Дает нам могуче крылья.

Перевел с белорусского А. КОРЧАГИН

МОНИКА ВАРНЕНСКА

А А Ц В Е Т Е Т

— Вы из Польши, не так ли? И, вероятно, собираете материалы о Мицкевиче? И Сенкевич поведал мне по памятным местам. Мы побывали там, где еще осталось несколько деревьев от некогда красивой аллеи, вырубленной гитлеровцами. Посетили старую мельницу и луг, где сохранилась дача друга А. Мицкевича. Неподалеку, в овраге, видели огромную гранитную глыбу, которая до сих пор носит в народе название «камя Филаретов».

В спокойном Гродно, накрепко связанном с памятью об Элизе Ожешко, я задержалась надолго. Здесь, в этом типично белорусском городе, писательница провела значительную часть своей жизни. Здесь появились некоторые из ее широко известных и за пределами Польши книг. Имя Элизы Ожешко белорусский народ (как я имела возможность неоднократно убедиться) произносит с любовью и уважением. Писательница родилась и воспитывалась на этой земле, хорошо знала белорусский язык. Люди этого края всегда были близки ее сердцу. Это нашло свое отражение на страницах книг Э. Ожешко.

Спросите любого гродненца: где жила Элиза Ожешко? И каждый сразу покажет вам одноэтажный домик, стоящий на улице, носящей имя нашей писательницы. И тогда слышишь в простых людях — рабочих, крестьян, сельских учителей, библиотекарей, молодежь, знают ли они произведения Элизы Ожешко, то счас сразу называют ее книги: «Над Неманом», «Меня Эзофович» и многие другие.

Многие годы прошло уже с того времени, когда в Новогрудчине, на искони белорусской земле, провел свое детство и «годы сельской идиллии» автор «Пана Деуша» — Но память о поэте осталась негленной, волнующей и по сей день.

Многие годы прошло уже с того времени, когда в Новогрудчине, на искони белорусской земле, провел свое детство и «годы сельской идиллии» автор «Пана Деуша» — Но память о поэте осталась негленной, волнующей и по сей день.

Многие годы прошло уже с того времени, когда в Новогрудчине, на искони белорусской земле, провел свое детство и «годы сельской идиллии» автор «Пана Деуша» — Но память о поэте осталась негленной, волнующей и по сей день.

Многие годы прошло уже с того времени, когда в Новогрудчине, на искони белорусской земле, провел свое детство и «годы сельской идиллии» автор «Пана Деуша» — Но память о поэте осталась негленной, волнующей и по сей день.

ПЫЛАЮЩИЙ ОСТРОВ

В ТЕХ местах, где зарождается теплая Гольфстрим, лежит остров Куба. Его природа, его климат словно созданы для счастливой жизни. Его зелень и солнце кажутся сказочными. Но вдумайтесь, поглубже в газетные строки, которыми все чаще перестают печататься, и вы согласитесь с поэтом Николасом Гиллесом, который утверждает:

Моя родина кажется сахарной, но сколько горечи в ней!
Моя родина кажется сахарной, она из зеленого бархата,
но солнце из желчи над ней.

Что же происходит на Кубе? И почему солнце над ней из желчи? Нет ли здесь поэтического преувеличения? Согласно утверждениям буржуазной печати, пытающейся завуалировать правду, дело на Кубе в следующем: против законного президента Фульхенсио Батисты восстал некий Фидель Кастро, скрывающийся в горах Сьерра-Маэстре. Теперь этот Фидель Кастро угрожает плантациям сахарного тростника, намереваясь удешевить экономику Кубы. Стадо быт. Батиста олигархический закон, а Кастро — удешевление экономики. Не правда ли, как все ясно и как просто!?

Но факты опровергают эти рассказы. Достаточно познакомиться хотя бы бегло с деятельностью Батисты за последние четверть века, чтобы понять, что же на самом деле мутит воду на Кубе, что поднимает желчь зеленого бархата острова.

Американские газеты называют Батисту «сильным человеком Кубы». В 1933 году он совершил переворот. С тех пор он не раз менял по усмотрению Вашингтона кубинских президентов или сам усаживался в кресло главы государства. Был, в частности, такой случай. Президент Грау как-то обронил, что Куба — для кубинцев. Вашингтон обиделся. Жестоко обиделся. Если Куба — для кубинцев, то что же делать на Кубе американским монополиям? Не признав Вашингтон президентом и в итоге снова появляется Батиста и снова изгоняет очередного президента. Он назначает президентом Мендеса. Этого Вашингтон признал!

Можно подумать, что Батиста действительно «сильный человек». Откуда же такая сила в этом господине? Ларчик открывается до банальности просто. Его, этого «сильного человека», поддерживают американские миллиардеры и миллионеры, короли сахара, короли банков. Пользуясь их помощью, продавшись им до последнего волоска, Батиста творит на Кубе все, что ему вздумается. Он удаляет все демократические свободы. Разогнал демократические организации. Вместе с собой он продал американским миллиардерам и свою страну, и свой народ. Продав, не спрашивая на то согласия народа.

История учит, что можно торговать интересами народа до поры, до времени. Но это рискованная торговля. Подобного рода торговцы плохо кончат. Чувствуя, что земля горит под ногами, Батиста прибегает к террору. Улицы кубинских городов залиты кровью патриотов, кровью тех, кто не желает жить и работать во имя прибылей американских банкиров. Телеграф ежеднев-

но приносит сведения о расправах над честными людьми. Совсем недавно были зверски убиты генеральный секретарь Национального комитета в защиту требований рабочих Бардос Родригес Каррага и руководитель трудящихся плантации «Сеспедес» Сатурнио Анейро.

И разве удивительно после всего этого, что план народного востания все шире охватывает Кубу! К повстанцам присоединяются все новые силы. Восточные провинции Кубы фактически находятся в руках повстанцев.

Режим Батисты агонизирует. Несмотря на мощную поддержку американских миллиардеров, несмотря на американское вооружение, идущее в руки Батисты, повстанцы одерживают успех за успехом. Перед нами — последние телеграфные сообщения с Кубы. Они говорят о том, что пламя гражданской войны в стране разгорается по мере того, как повстанцы захватывают все новые территории. В правительственных войсках появляются признаки деморализации. Мастер Райли, корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс, человек, вряд ли сочувствующий повстанцам, с тревожной сообщает: «В освободленных кругах убеждены, что назревает критическое событие... Правительству уже сейчас трудно противостоять наступлению мятежников».

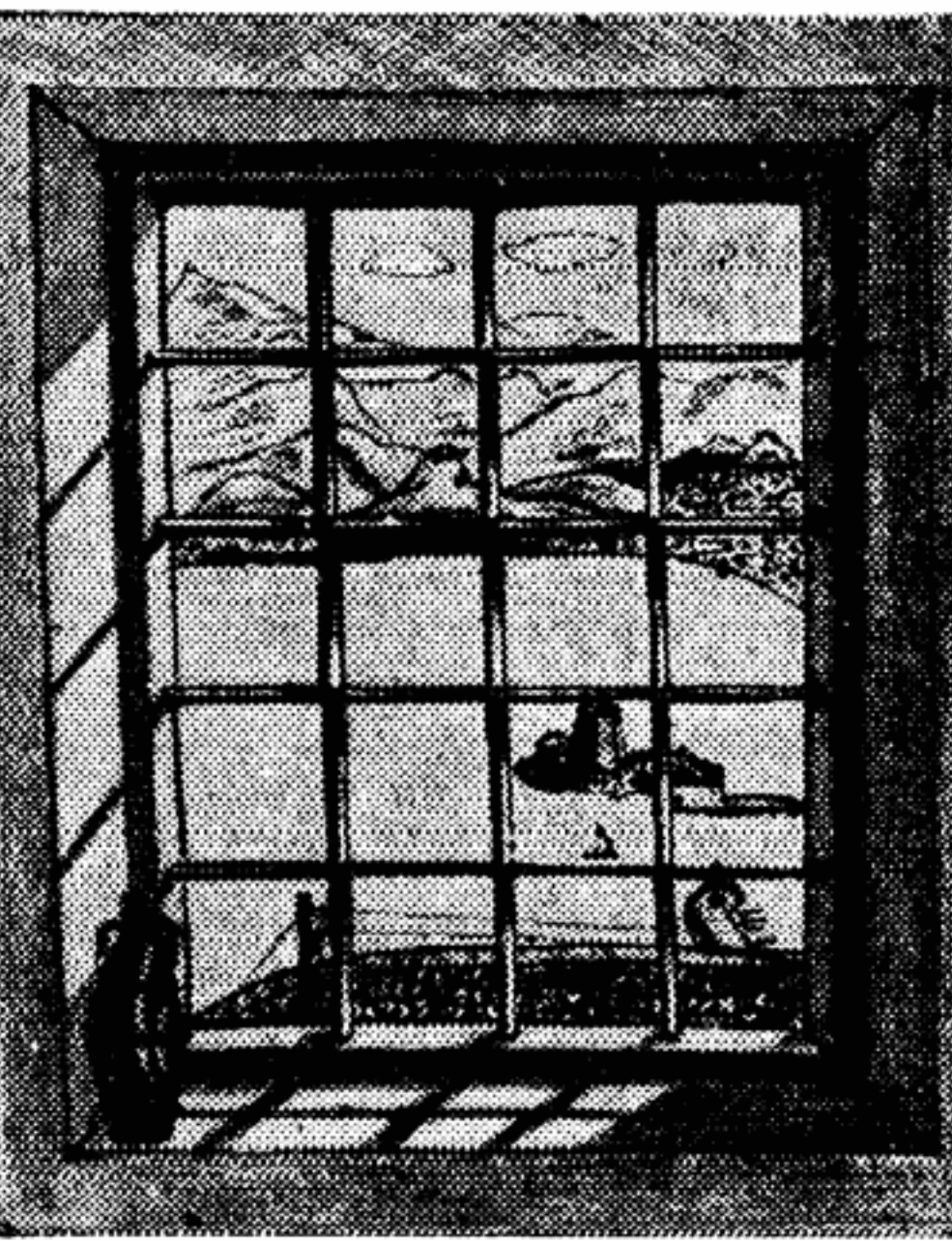
Повстанцы борются за счастье Кубы, за счастье ее народа, и это усиливает их силы. Не могут сломить духа повстанцев зверские бомбардировки мирных городов самолетами Батисты. Куба сегодня — это пылающий остров, и потухший огонь, как хвостатый Батиста, не так-то просто. Батиста, видимо, начинает понимать это. И он надеется на прямое вмешательство Вашингтона во внутренние дела Кубы. Американское оружие теперь уже не помогает. Американские деньги тоже не спасают. Надо, чтобы на Кубу вступили американские солдаты. На это вся надежда.

По сообщениям печати, Вашингтон не прочь послать войска на Кубу. Что же делать, если маршкетка Батиста не справляется со своей задачей? В одном из рассказов Гонсало Масаргабо приводится славная песенка:

Кубинцам чужого не надо,
— поется в ней, —
Всё есть на острове нашем;
Куба милее и краше
Благоуханного сада.

Нынче этот «благоуханный сад» облетит пламенем народного востания. Народ Кубы преисполнен решимости превратить свой остров из пылающего в действительно благоухающий. Народ хочет, чтобы Куба была для кубинцев, чтобы в ней прекратили свое хозяйничанье американские монополии и их марионетки, воеды Батисты.

В наш век, когда в гущу народов возникает течения, куда более сильные, чем Гольфстрим, трудно, очень трудно сдержать их. Во-первых, эта задача чрезвычайно неблагоприятная, а во-вторых, невыполнимая. Вот почему кубинские повстанцы идут вперед. Вот почему «сильный человек Кубы» оказывается военнаевого злобным и обреченным человеком...

ВЗГЛЯНИТЕ на этот рисунок. Он сделан Манолисом Глезосом на острове Эгина из оной тюремной камеры пять лет назад. В нем ярко отразился оптимизм этого влюбленного в жизнь и в свою родную землю человека. Глядя на мир через тюремную решетку, он не терпит светлого восприятия действительности. Душой, сердцем, мыслями он там, где продолжает жизнь и борьба, где светит солнце, сверкает вода, дует ветер.

Не раз смерть смотрела в глаза Манолису Глезосу, но не сломила его духа. «Детский крик о куске хлеба сделал меня борцом на службе народа», — писал однажды Глезос. Человек великой мечты «о лучшей жизни для других» видел часто из окна тюрьмы мальчика, лицо которого никогда не озаряла улыбка. Глезос посвятил мальшу стихи. Вот они:

Поминишь этого мальчика
Из соседнего дома.
Он — малыш, но улыбка ему не знакома.
Я улыбку ему приготояил. Прощу:
На, возьми отнеси и отдай малышу.
Она — из крова сердца моего.

Осторожнее нес, чтоб ее не разбить,
Без улыбки тогда он останется жить,
А ведь он еще мальчик, малыш...

Его имя впервые я услышала в 1945 году в Афинах. Старая гречанка, мать троих сыновей, много пережившая в годы войны и оккупации, рассказала мне, как месяц спустя после захвата гитлеровцами Афин, встав рано поутру, она вдруг увидела: над Акрополем вновь развевается бело-голубой греческий флаг. О Манолисе Глезосе женщина говорила с такой теплотой и любовью, словно это был ее родной сын.

И я подыбалась в первый раз на Акрополь не для того, чтобы любоваться Парфеноном, а чтобы посмотреть на высокую, откровенную стену, по которой взобрался в ночь на 31 мая 1941 года Манолис Глезос и его друг Сантос, чтобы сорвать плазующий родную землю флаг со свастики...

Глезосу было тогда 19 лет, и с тех пор вся его жизнь была посвящена одной цели — борьбе за независимость и свободу родины, за счастье народа. В годы гитлеровской оккупации он был активным участником движения Сопротивления. По окончании войны, когда американцы с помощью «доктрины Трумэна» и «плана Маршалла» попытались превратить Грецию в свою колонию и главную базу на Балканах для подготовки новой войны, Глезос не пожелал сказать народу правду. Это он в дни приезда в Грецию Балканской комиссии ООН зажег на стене Акрополя святиуюся надпись, требующую

СВОБОДУ ГРЕЧЕСКИМ ДЕМОКРАТАМ!

Герой Эллады

ухода иностранцев из страны. В своих выступлениях и статьях он разоблачал истинных виновников гражданской войны в Греции и за это был приговорен к смерти. Все, кто присутствовал на суде Глезоса, были потрясены его мужеством. Прекрасно зная, какой приговор ждет его, Глезос был совершенно спокоен и смело заявил судьей о своих убеждениях. Свою речь он закончил так: «Мы всего лишь исполнители приказов Гитлера. Во время оккупации он приговорил меня к смерти. Вы лишь беретесь исполнить его приговор».

Тогда его не посмели казнить. Слишком велико было возмущение приговором во всем мире. Народ Греции выразил Глезосу преданность тем, что в 1951 году выбрал его, приговоренного к смерти, депутатом в парламент.

В 1954 году Глезос был, наконец, освобожден из тюрьмы. С тех пор он постоянно работал в редакции «Авги».

Его деятельность в защиту мира и независимости страны находит живой отклик в народе. Реакция не может простить Глезосу его мужественной борьбы за мир. Ему снова грозит большая опасность.

И в эти дни мне особенно живо вспоминается его прошлогодний приезд в Москву. Глезос-человек поразили меня и всех, кто с ним здесь встречался, не меньше, а даже больше, чем Глезос-герой. Быть может, потому, что сам-то он совсем не считал себя героем. Он так глубоко и искренне верит в дело, которому посвятил свою жизнь, что поступить иначе, чем он поступает, ему кажется просто невозможным. С людьми он держится просто и как-то особенно задушевно, потому что по-настоящему любит их, верит им. Он очень прям и говорит людям то, что он о них думает. Поразительная выдержка уживается в нем со способностью горячо увлекаться. В дни его пребывания в Москве таким его увлечением были советские искусственные спутники Земли. Мы удивлялись его поистине неутомимому стремлению как можно больше узнать о них. Каждый день он сообщал нам какую-нибудь новую, вычитанную или услышанную подробность, и очень радовался и гордился, когда мы говорили ему, что для нас это новость.

Из всех восторгов с Глезосом в Москве мне особенно запомнился вечер в 706-й школе Ленинградского района. С этой школой Манолиса Глезоса связывала давняя дружба. Когда он сидел в тюрьме, приговоренный к смерти, ребята этой школы провели сбор, посвященный Греции, на котором потребовали освобождения народного героя. Глезос рассказывает ребятам, что хорошо помнит, как мать принесла ему в тюрьму весть об этом, и горячо благодарил их за поддержку и помощь.

Он говорил по-гречески, потом это переводилось на русский язык, но я не помню, чтобы когда-нибудь ребята сидели так тихо и слушали с таким напряженным вниманием. Они долго не отускали Глезоса, каждый хотел сказать ему что-нибудь теплое, а пришелся на вечер гости — ученики Московской средней художественной школы — подарили ему несколько карандашных набросков, сделанных во время выступления Глезоса. Один набросок, Юлия Перевезенцева, они оставили себе, и он опубликован сегодня в газете.

На днях я снова посетила эту школу. Ребята уже знали о новом аресте Глезоса. На большой перемене ученики

старших классов и учителя собрались в актовом зале, чтобы выразить свое возмущение действиями афинской полиции. В единодушном принятой резолюции ребята заявили:

«Мы не можем не выразить своего недовольства по поводу травли Глезоса, прекрасного человека, борца за свободу, друга всех честных людей на земле. Мы требуем: Свободу Манолису Глезосу!»

«Свободу Манолису Глезосу!» — это требование звучит сейчас во всех странах мира. Но особенно решительно выступают за освобождение народного героя в его родной стране.

Борьба за свободу Глезосу имеет в Греции особое значение. Это — борьба против массового террора, против попытки нарушить мир в стране.

За восстановление мира боролся все последние годы и сам Глезос. Еще находясь в заключении, подвергался пыткам и избиениям, Глезос в письмах на волю писал:

«Мы, познавшие смерть, видевшие ее так близко, не можем более говорить

о ней, у нас нет сил, нет слов. Мы можем только кричать, громко, неистово: «Довольно крови!»

Недаром в октябре 1951 года, когда Глезос объявил голодовку, требуя освобождения группы общественных деятелей, избранных в парламент, молодой Афин и Пирея принесла ему в тюрьму белого голубя — символ мира.

Л. ТЮРИНА

СТРАНИЦЫ ИХ ОПОБЕРГЛА ЖИЗНЬ

СЕЙЧАС, когда мы стоим на пороге Нового года — первого года семилетнего плана, невольно обращаешь в мыслях к тем временам, когда наш народ только приступил к осуществлению первой пятилетки. Многие люди за рубежом не верили тогда в силу молодого социалистического государства. Мрачные предсказания недругов сливались в нестройный, злоедающий хор.

Давайте перечитаем пожелательные странички иностранных газет, журналов и книг, вышедших в то время.

«Общее впечатление от нынешнего положения России таково: советская экономическая система неудержимо скатывается к полному хаосу...»
Эта «проphетическая» фраза взята нами из английского экономического еженедельника «Стэйтсман». Так писали «эксперты» тридцать лет назад.

В те бурные годы, когда в нашей стране закладывались основы социалистической экономики, западные пропагандисты стремились оделеть молодое государство. Среди буржуазных ученых были, конечно, и такие, кто искренне благожелал, кому не под силу было представить себе воплощение в жизнь дерзновенных планов свободного народа.

Недаром же английский экономист Майкл Фармэн писал в своей книге «Пятилетка»:

«Нынешние правители России поставили перед собой задачу, которая опасным образом граничит с фантастикой (в обычном смысле этого слова). Они взяли на себя обязательство по осуществлению десятков проектов, из которых каждый в отдельности даже в Америке сочли бы очень смелым».

Да, так оно и было! Американцы, которые привыкли бахвалиться «сверхкосмическими» темпами развития своей экономики, скептически восприняли весть о новой «выдумке русских».

Вот что писал, например, известный американский экономист Стюарт Чэйз, посетивший тогда Москву:

«Представьте себе, что вам предложили бы завтра же отправиться на поезд в Вашингтон, сесть за стол в правительственном учреждении, взять карандаш и бумагу и дать указание железным дорогам, электростанциям, сталелитейным заводам, угольным шахтам, нефтепереработкам, министерствам финансов, банкам, оптовым фирмам, фермерам, паровозным компаниям, автомобильным заводам — как планировать производство и распределение на протяжении последующих пяти лет. Пожалуй, сам Генри Форд спасовал бы перед такой задачей. Простым смертным это представлялось бы столь же осуществимым, как путешествие на Луну».

Бедный Стюарт Чэйз! Он, конечно, не мог себе представить, что именно советский народ проложит путь в космос! Ему и в голову не могло прийти, что искусственная Луна будет создана руками тех самых «азиатов», о которых с таким пренебрежением писалась западная печать.

Элиша Фридман, крупный американский бизнесмен, написавший книгу «Россия в переходный период» (Нью-Йорк, 1932 г.), откровенно признавал: «Наблюдателю, имеющему деловой опыт и поэтому четко представляющему себе, какие проблемы возникают при планировании даже не на пять лет, а всего лишь на один год, и не для целой страны, а только для одной отрасли промышленности и иногда даже для одной только корпорации, трудности планирования промышленной жизни целого государства представляются ошеломляющими».

И «ошеломленный» Фридман, ограниченный в своем мировоззрении узкими рамками капиталистической идеологии, мрачно предсказал:

«Становится все более и более очевидным, что резервы специалистов в области экономики и техники, которыми располагает Советское правительство, совершенно недостаточны для того, чтобы справиться с грандиозной задачей планирования и организации экономической жизни 160 миллионов людей, населяющих одну шестую часть земного шара».

Примерно таких же взглядов придерживался корреспондент лондонского журнала «Ансерс» Б. Хессель Тилтман. Посетив Советский Союз в 1930 году, он опубликовал серию статей, в которых черными красками рисовал наше будущее. Увы, перечислив все, что ему «не понравилось», он угрюмо констатировал:

«Я называю пятилетний план величайшей азартной игрой в истории».

У мистера Тилтмана было немало единомышленников и среди ученых. Дипломированные невежды сочиняли целые трактаты, в которых глубоко-мысленно доказывали «неосбыточность большевистской мечты». Ненни Нильс Олейникофф из Стокгольма написал пыльную диссертацию под названием «Русский пятилетний план» на сокращенные степени доктора. Труслюво прикрываясь академической мантией, диссертант вышло из себя:

«При разработке пятилетнего плана вскоре был утрачен контакт с действительностью. Вместо того, чтобы придерживаться экономических законов, вся работа была целиком приурочена к целям Коммунистической партии».

Трудно сказать, что больше в этом высказывании — глупости или невежества. Ведь именно Коммунистическая партия, вооруженная марксистско-ленинской теорией, впервые в истории человечества сумела использовать экономические законы на благо народа!

«Нет большого слепца, чем тот, кто не хочет видеть», — гласит старая английская поговорка. И высокооплачиваемые ученые «слепцы» пеки, как блины, одну антикоммунистическую книжечку за другой.

Вот грязная, клеветническая брошюра Эрнста Бухенхайна, выпущенная в свет одним легионским издательством в 1928 году. Она называется «Советская Россия и ее будущее». Автор не теряет времени даром, он сразу же берет быка за рога и сообщает читателю, что «существование Советской республики с самого начала было непрерывным умиранием». И Бухенхайн пишет: «Каково же будущее Советской России? У нее нет будущего».

Что же из этого следует? И здесь Бухенхайн выдает себя за головой. Он предстает перед нами во всем своем реалистическом обличье, в коричневой рубашке, со свастикой на рукаве. Он оготлово вопит о «соседском, человеческом долге немцев», которые должны «вмешаться» и «положить конец» тому, что происходит в России.

Мы знаем, в каких пивных создавались подобные «теории!» В той же грязной бочке черпал вдохновение герр К. Остервальд, выпустивший в 1931 году книгу под интригующим названием «Россия 1950 года». Картина будущего...

О каком же будущем мечтает он? Что он хочет? Большевики, оказывается, пришли к выводу, что коммунизм неосуществим. Без частной инициативы, без энтузиазма как стимула невозможно развивать экономику». Что же оставалось делать «бедным» русским? И тут Остервальд дает полную волю своей буйной фантазии. Россию «спасает» немецкий миллионер по имени Штейнбах. К нему обратилась делегация русских, умоляла и заклинала его приехать в Россию и взять в свои руки бразды правления». Штейнбах великодушно соглашается и «наводит порядок» в России.

Эта книга была написана в 1931 году. Десять лет спустя остервальд и штейнбах вторглись было в нашу страну, чтобы установить в ней «новый порядок», но советский народ уничтожил фашистскую гадину!

Американский бизнесмен Элиша Фридман, которого мы цитировали выше, в предисловии к своей книге о России пишет: «Меня давно интересовали социальные преобразования в СССР. В 1922 году, когда я путешествовал по делам в Европе, мне довелось быть в Хельсинки (Финляндия). Я обратился к американскому консулу, чтобы выяснить, есть ли какая-нибудь возможность посетить СССР. Он ответил: «Такая страна нам неизвестна».

С тех пор прошло не так уж много лет. Но как изменился за это время тот буржуазный печатный станок, на котором в ней и следов высокомерия, преиспещенная или скептицизма по отношению к Советскому Союзу. Даже в высказываниях наших врагов вы не услышите нотки неведения в его силе.

«Такая страна нам неизвестна!». Теперь никто уже не посмеет пикантно поболтать фразой. Теперь даже самые закореженные «слепцы», упорно не желавшие видеть Советский Союз, широко раскрыли глаза от изумления.

Метислав ВАЛЕНТИНОВ

Плач на берегах Темзы

МЫ НЕ ЗНАЕМ, собирается ли Лондон с к и й «Таймс» подводить в своем новомодном номере итоги литературного года. Возможно, он не захочет омрачать праздничного настроения своих читателей. Впрочем, как нам кажется, особой нужды в таком итоговом обзоре сейчас даже нет, поскольку он уже фактически дан редакцией — и в более широком плане — в специальном номере «Литературное приложение» к «Таймс», выпущенном не так давно под широкоизвестным заголовком «Книги в меняющемся мире».

Этот номер, в котором приняла участие многие известные в Англии писатели, представляет бесспорный интерес, как еще одно красочное подтверждение серьезности и глубины кризиса, переживаемого мировой буржуазной культурой и, в частности, английской. Думается, что после этого номера не у одного беспристрастного читателя в Англии может возникнуть серьезное сомнение, насколько остальные попытки обзорователей того же «Таймс», да и других английских изданий, выступать с рассуждениями в претенциозно-межморском тоне об упадке литературы социалистических стран и прежде всего советской литературы, состояние которой обычно изображается ими в крайне мрачном виде.

В интересующем нас специальном номере «Литературного приложения» к «Таймс» редакция отказалась от традиционных анонимных статей. Под ними мы встречаем имена таких известных в Англии писателей, как Ангус Уилсон, Ч. Сноу, Джон Уэйн, Р. Грейс и ряд других.

Сопоставив ряд писательских высказываний, жалоб и сетований, читатель увидит, что они сводятся примерно к следующему: неуютно живется сегодня писателю в «свободном мире», в частности в Англии. Он все больше утрачивает контакт с аудиторией, растет взаимное непонимание. Он отчужден от своих читателей, ощущает их безразличие. Книгу все больше вытесняет радио, телевидение, фильмы. Особенно уязвимо положение романа — ему грозит конкуренция книги «специалистов», то есть произведения об этнографии, альпинизме и т. п. Место писателя в жизни общества становится все более шатким и неопределенным, роль литературы падает. Характерны уже одни названия статей: «Стена», «Судьба уиконса» (т. е. угроза вырожден), «Затруднения писателя», «Нет места для книги», «Массовое одиночество» и т. д.

Ухудшается и материальное положение литератора, особенно если он не хочет ограничиться функцией «развлекателя». Конечно, такие сетования раздуются в английской критике не впервые; но не часто предстают они в таком концентрированном виде, да еще на страницах такого издания, которое стремится скорее приукрасить положение ве-

щей в «доброй старой Англии», чем вызвать у читателя невеселые размышления.

Всякий следящий за английской литературой сумеет назвать ряд интересных и значительных романов, появившихся в последние годы и хорошо известных и советскому читателю. Но это не может поколебать основательность горестных замечаний наблюдателей «Литературного приложения». Ведь все эти книги появились не благодаря духовной атмосфере в Англии, а скорее вопреки ей — это лишь немногочисленные островки среди моря «коммерческого» чтения.

А о том, что это море выходит из берегов, затопляет все большее пространство, говорят многие из писателей. И что особенно показательное: сколько бы ни смущало их нынешнее положение вещей, их еще больше тревожит линия развития, та мрачная перспектива, которая вырисовывается на горизонте. Правда, констатируя эти гнетущие симптомы, никто из авторов не хочет или не может понять, что лежит в их основе, в чем причины того недуга, который подтачивает корни негуда могучего дерева. Никто из авторов не попытался ставить в какую-то связь свои писательские трудности с общим кризисом буржуазной культуры, с ее классовыми корнями.

И все же многие признания и прогвозды звучат достаточно красноречиво. Известный английский писатель, автор многих исторических романов, Роберт Грейс берет под сомнение художественные качества большинства выходящих в Англии книг. «Стоит ли читать одну книгу из ста выходящих? Одну из пятнадцати?» — спрашивает он и дает красноречивый ответ: «Большинство книг нельзя читать, потому что они не были задуманы надолго, потому что они не рассчитывали прожить больше, чем живет вечерняя газета: любительская безответственная халтура, заставляющая краснеть свои переплеты и хорошую бумагу, на которой она напечатана».

Писатель Джослин Брук пишет с тревогой: «...Предсказывают не только упадок, но и фактически смерть печатного слова как средства общения. Об этом много пишут в письмах, публикуемых в прессе, в статьях, книгах, говорят по радио. кое-кто смотрит на будущее оптимистически, но большинство проникнуто пессимизмом...»

Особенно тревожит Брука вопрос о будущем повести. Что будет с детьми, родившимися в последние десятилетия и с самого раннего возраста привыкшими к светящему экрану телевизора? — спрашивает Брук.

В статье А. Альвареса дается очень мрачный прогноз судьбам поэзии в Англии. Уже нынешнее положение автор считает крайне печальным.

По словам Альвареса, «если поэзия после своей двойной болезни, нака-

не ограничиваются призывом к писателям замкнуться в башне из слоновой кости, а нередко даже отказываются от таких призывов. Понятия «социальной среды», «жизни общества» и т. д. уже не подвергаются безоговорочному осуждению. Вопрос в другом: как осветить отношения человека и общества. Реалистические литераторы, отражая ту социальную действительность, которая для современной литературы — задана, выживают в свое «соборное» терминологически определенный, человеконенавистнический смысл, обирая ее против всего нового и прогрессивного. И весьма характерно, что многие буржуазные писатели не принадлежат к реакционному крылу, такие, как тот же Ангус Уилсон, считают неправильной изоляцию писателя от социальных проблем».

Писатель Ч. П. Сноу также требует от литературы глубины «социального видения». Он считает нужным обратить внимание читателя на одно из проявлений упадка литературы, характерное, по его словам, для писателей США и Франции даже в большей мере, чем для английских: заключается оно в крайнем «интеллектуальном емоционализме». Эти писатели, пишет Сноу, «пока они не облекают в свою форму романа, нередко облояно развитым интеллектом. Но словно повинуясь некоему странному кодексу хорошего тона, выступающая в качестве романов, они считают своей первой обязанностью освободиться от всяких признаков этого интеллекта».

Писатель Л. П. Хартли, пытаясь подыскать объяснение нынешнему снижению уровня английской литературы, выдвигает такого рода аргумент: расцвет романа относится к XIX веку, а он был «веком индивидуализма, культуры героя, выдающейся личности», между тем как в наши дни «символом цивилизации» становится «человек из очереди», человек, «превратившийся в часть целого». Как же могут интересоваться писателя жалкие эмоции этого «человека из очереди»?

Такого рода «теории», призванные объяснить упадок романа и оправдать неполноценность писательского отклика на проблемы современности, явно не состоятельные сами по себе, все же, по видимому, отражают взгляды не одного только Хартли.

Но в рассматриваемом приложении к «Таймс» интересны прежде всего не попытки теоретизировать, а те горькие признания, которые содержатся в ряде статей. Они создают довольно мрачную картину, отражающую реальную действительность литературной жизни Англии. Этот «плач на берегах Темзы» — еще одно свидетельство растерянности, испытываемой многими английскими литераторами перед лицом все усложняющихся проблем их бытия.

Вла. РУБИН